

**. CHARLES .
MARTIN**

**WRAPPED IN
RAIN**

**• ЧАРЛЬЗ •
МАРТИН •**

**В ОБЪЯТИЯХ
ДОЖДЯ**

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М29

Charles Martin
WRAPPED IN RAIN

Copyright © 2005 by Charles Martin

Перевод с английского *М. Тугушевой*

Художественное оформление и иллюстрация
на обложке *А. Иванова*

Мартин, Чарльз.

М29 В объятиях дождя / Чарльз Мартин ; [перевод с английского М. Тугушевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-103161-9

Известный фотограф Такер Мэйсон объездил весь мир, стремясь быть как можно дальше от дома. В родном городе у него остались отец, с которым Такер никогда не ладил, брат, страдающий психическим расстройством, и подруга детства, с которой у Такера когда-то был роман. Единственный, кто ему по-прежнему дорог, — экономка мисс Элла, которая, увы, при смерти. Такер решает вернуться домой, чтобы повидаться с ней в последний раз. Вопреки ожиданиям, эта поездка не только станет для него одним из самых запоминающихся приключений, но и позволит найти любовь там, откуда, казалось бы, она исчезла навсегда.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-103161-9

© Тугушева М., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Роман о возвращении домой

*Моей маме,
даже сейчас — коленопреклоненной.*

Пролог

Проснувшись от несносного нервного зуда, я подтягиваю коленки почти к груди. Сердце стучит, как барабан, возвещающий о начале войны. В комнате темно, хотя на небе светит луна. Я знаю, что Рекс ни за что не позволит мне улизнуть из дома. Я чуть-чуть высовываю голову из-под одеяла. Волосы слиплись от пота. Я смотрю в окно с койки, подвешенной едва ли не под потолком. Пар от дыхания оседает на стекле, и лунный свет расплывается в туманном ореоле. У ограды, вдалеке, стоят три копны сена, покрытые белым целлофаном; между ними, в пополах, мирно пасутся несколько лошадей, а рядом с ними и два оленя. Голубая луна освещает лишь порог черного хода в дом и амбар. Кажется, что пастбище колыхнется в волнах тумана. О, если можно было бы оседлать эти волны и унести далеко-далеко, над золотистыми полями, даже не оглянувшись назад...

Я всегда спал, укутавшись в одеяло с головой, поэтому напоминал кокон — так я не видел Рекса. Но иногда мой зад получал сполна. В прошлом году,

когда у меня появился младший брат, я решил, что теперь меня станут пороть в два раза меньше, поскольку половина побоев должна была прийтись на его долю, но ошибся: теперь меня пороли сразу за двоих.

Я утер нос рукавом байковой пижамы и соскользнул с верхней койки, залитой тепер лунным сиянием, — настоящий Питер Пэн¹ — таким я казался маленьким в своей мешковатой пижаме. Это одеяние мне купила мисс Элла, и кожаные вставки на нем забавно поскрипывали, пока я на цыпочках крался к стулу, на котором висел мой ремень с двойной кобурой. Затянув дыхание, я затянул ремень и проверил на ощупь свой шестизарядный кольт, потом напялил на уши ковбойскую шляпу и прокрался к двери. В углу, на расстоянии вытянутой руки, примостилась моя бейсбольная бита. Недавно она была вся в сучках и зазубринах, но Мозес выстругал рукоятку, и теперь она гладкая и вполне удобная. Я пристроил ее на плече: надо ведь пройти мимо комнаты Рекса, имея при себе оружие защиты, ведь никогда не знаешь, дома он или нет, а рисковать не стоило. Если он дома и откроет дверь, тогда я ударю его по ноге и выстрелю сразу из двух стволов, а потом помчусь как бешеный с чердака, пока он будет бесноваться и проклинать все на свете, нарушая третью заповедь: «Не богохульствуй».

Последние несколько недель я мучительно раздумывал над некоторыми вещами, хотя это было бес-

¹ Персонаж сказки Дж. М. Барри — маленький мальчик, который не хотел взрослеть. Он был наделен магической силой. *(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)*

смысленно. Почему у меня нет мамы? Почему отца почти никогда не бывает дома, а когда он появляется, то всегда ругается и пьет, и почему у меня все время болит живот?

В комнате Рекса темно. Оттуда не доносится ни звука, но меня не проведешь! Ведь перед тем, как грянет гром, небо обязательно затягивают черные тучи, а вокруг стоит тишина. Опустившись на четвереньки, я ползу на животе, словно солдат во время вражеского обстрела, — сначала один локоть вперед, потом другой, — мимо зловещей двери в комнату Рекса, не останавливаясь ни на секунду, чтобы туда заглянуть. Вот так, неслышно, я ползу в своем байковом балахоне по навощенному полу. В последнее время Рекс часами сидит в темноте и пялится в свои очки с толстыми линзами... Раньше я сомневался, но сейчас твердо знаю, что темнота в комнате не означает его отсутствия, поэтому продолжаю ползти. При одной только мысли, что там, в темноте, в своем кресле сидит Рекс и видит меня... и вот сейчас он поднимется и подойдет к двери, меня охватывает парализующий ужас. Дыхание учащается, и на лбу крупными каплями выступает пот. Однако я ничего не слышу, кроме оглушительного стука собственного сердца, ни храпа, ни ругани...

Миновав дверь, я вытер со лба пот и изо всех сил рванул прочь, но и тогда не услышал топота ног и его руки не схватили меня за шиворот и не швырнули на пол. Вот я добегаю до лестницы, перебрасываю ногу через перила и скольжу вниз к мраморной площадке на первом этаже. Оглянувшись, я опять-таки

не вижу Рекса, но все равно припускаюсь бегом. Если он дома, то все равно меня поймают.

Я бегу через библиотеку, курительную комнату, небольшой кабинет, гостиную с таким огромным камином, что можно там улечься и выспаться, через кухню, в которой пахнет жареным цыпленком, подливкой и еще теплым печеньем. Вот я перемахнул через порог черного хода, откуда несет помоями, бегу через пастбище — тут стоит запах свежего навоза — к маленькому домику мисс Эллы, где всегда пахнет добротой и заботой.

По словам мисс Эллы, все началось с того, что мой отец, Рекс, дал в местной газете объявление: «Требуется помощь по дому» — на той самой неделе, когда я родился на свет. Почему он дал именно такое объявление? По двум причинам: он был слишком самолюбив, чтобы просто сообщить о необходимости пригласить няню, тем более что отослал мою мать, служащую его фирмы и работавшую по вечерам, подшивать бумаги где-нибудь в другом месте.

На объявление отозвалось человек двадцать, но Рекс был придирчив, что было странно при его склонности к беспорядочным связям с женщинами. И вот однажды, сразу же после завтрака, в дверь позвонили. Это была мисс Элла Рейн¹, бездетная вдова сорока пяти лет. Ее дед был внуком черного раба из Алабамы. Она звонила долго, почти минуту, а отец специально не открывал дверь — он не хотел показаться слишком нетерпеливым и остро нуждающимся

¹ Rain — дождь (англ.).

в помощи. Но наконец Рекс отворил дверь и оглядел мисс Эллу долгим взглядом поверх очков. Рекс прекрасно мог читать и без очков, но носил их для того, чтобы создать надлежащее впечатление. Перед ним стояла, скромно сложив руки на животе, женская особа в белом рабочем нейлоновом платье — такие обычно и носит домашняя прислуга; в гольфах, на ногах — белые же кроссовки с двойной шнуровкой. Волосы у женщины были собраны в пучок и заколоты несколькими шпильками. На лице не было никакой косметики, и, приглядевшись, можно было заметить на ее светло-коричневых щеках веснушки. Женщина протянула Рексу рекомендации и сказала:

— Доброе утро, сэр. Я мисс Элла Рейн.

Рекс тщательно просмотрел через очки ее выдавшие виды справки, время от времени бросая взгляд на мисс Эллу. Она хотела было что-то сказать, но отец жестом велел ей замолчать, и женщина, сложив руки, замерла в ожидании. Чтение продолжалось три-четыре минуты, а потом со словами «подожди здесь» он захлопнул дверь перед ее носом, но через минуту вернулся со мной на руках, разрешив ей войти, после чего, торжественно протянув руки вперед, сказал:

— Значит, так. Убирай в доме и смотри за ребенком!

— Да, сэр, мистер Рекс, — отвечала мисс Элла.

Она взяла меня на руки, вошла в прихожую и огляделась. Вот почему мне кажется, что я знал мисс Эллу Рейн всегда, и помню я не родившую меня мать, а ее, богоданную.

И еще я никогда не мог понять, почему она взялась за это дело.

Мисс Элла окончила среднюю школу первой ученицей в классе, но предпочла колледжу фартук служанки и заработала достаточно денег, чтобы послать туда младшего брата Мозеса. Когда я стал достаточно взрослым, чтобы уяснить себе все благородство ее поступка, она просто и ясно сказала:

— Придет день, когда и ему надо будет позаботиться о семье. А меня уже не будет на этом свете.

Когда заканчивался первый месяц ее службы в нашем доме, она обосновалась со всеми своими пожитками в домике для прислуги, но, как правило, ночи проводила у входа в мою спальню на втором этаже. Позаботившись о моих нуждах — пища, одежда и кровать с сеткой, — Рекс вернулся в Атланту и возобновил свое незаконное наступление на долларовую цитадель. Вскоре весь распорядок нашей жизни установился раз и навсегда. В трехлетнем возрасте я мог лицезреть Рекса с четверга по воскресенье. Он прилетал убедиться, что домашняя прислуга все еще его побаивается, на щеках у меня играет румянец, а заодно объездить какую-нибудь чистокровную кобылку. После прогулки он предпочитал исчезнуть на втором этаже со своим знакомым, помощником окружного судьи. Через месяц он улажал недавно появившегося партнера по бизнесу, а затем они обычно исчезали в баре и пребывали там, пока Рекс не напивался как следует. Он был убежден, что все люди, а особенно деловые партнеры, — нечто вроде поездов: «езди на них туда-сюда,

пока не устанешь, а потом прыгай из вагона на ходу. Через пять минут подоспеет другой поезд».

Если Рекс был дома, то громко разглагольствовал, и в его речах обязательно присутствовали два слова: первое было «Бог», а второе я пообещал мисс Элле никогда не говорить вслух. В пятилетнем возрасте я не знал, что оно обозначает, но то, как отец его произносил, как багровел при этом, как брызгал слюной, пузырившейся в углах рта, — ясно свидетельствовало о том, что слово это нехорошее.

— Мисс Элла, — спросил я однажды, почесывая голову, — а что это такое?

Мисс Элла вытерла о передник руки, стащила меня со стула и усадила на буфетную стойку. Прижавшись ко мне лбом, она приложила указательный палец к моим губам:

— Ш-ш-ш, — прошептала она.

— Но, мисс Элла, что оно *значит*?

Вскинув голову, она прошептала:

— Такер, это такое слово, произносить которое запрещает третья заповедь Господня. Это скверное, очень скверное слово, самое худшее из всех, что есть на свете. И твоему отцу не следует его произносить.

— Но почему же он произносит?

— Иногда взрослые, когда на что-нибудь сердятся, так выражаются.

— А почему я от тебя никогда его не слышал?

— Такер, — она поставила мне на колени миску с кукурузным тестом, чтобы я помог ей его месить, — обещаю, что сам ты этого слова никогда не скажешь. Обещаешь?

— А вдруг ты тоже рассердишься и произнесешь его?

— Никогда! А теперь, — и она взглянула мне прямо в глаза, — обещай! Обещаешь?

— Да, мэм.

— Нет, ты как следует скажи!

— Я обещаю, мама Элла.

— А вот этого никогда не повторяй!

— Чего?

— «Мама Элла»... Он сразу же меня уволит.

— Да, мэм.

— Ну и хорошо, а ты мешай тесто, мешай! —

И она посмотрела в ту сторону, откуда к нам доносились брань Рекса: — Давай скорее, он, наверное, проголодался. — Подобно не раз битым собакам, мы научились распознавать все оттенки Рексовой брани и прекрасно различали, чем она угрожает на этот раз.

Уверен, что каждый день своей жизни мисс Элла тяжело трудилась. Я много раз слышал, как, положив руку на бок и согнувшись, мисс Элла признавалась Мозесу: «Братец, мне сейчас бы рот прополоснуть, позаботиться о своем геморрое, съесть несколько початков кукурузы и опустить, наконец, голову на подушку», — но вместо этого мисс Элла надевала на голову косынку и принималась за грязную работу, ползая по полу на коленях. Вот так начинался ее рабочий день, и, начавшись, он мог продолжаться до ночи.

Мысль о Рексе заставила меня снова оглянуться на дом. Если Рекс там, но не смог одолеть лестницу наверх, то, наверное, он может заметить меня

из тыльной части особняка и дверь домика мисс Эллы, но я все равно стремглав бежал к ней. Повернув помойное ведро вверх дном, я вставал на него и подтягивался вверх на руках, пока не упирался подбородком в подоконник, дрыгая ногами в носках и колотя ими по холодной кирпичной стене. А внутри, в домике, мисс Элла стояла на коленях возле постели и молилась. И так бывало часто... На ее склоненной голове желтеет резиновая шапочка для душа, кисти рук сложены вместе и покоятся на раскрытой Библии, лежащей на постели. Будь что будет, но она неизменно вкушала ежедневную порцию Божественной пищи. И цитировала Библию часто и очень торжественно. Да она и вообще редко употребляла слова или фразы, которых не было бы в Ветхом или Новом Заветах. Чем больше Рекс пил, чем больше он сквернословил и сыпал проклятиями, тем больше мисс Элла молилась. Я однажды заглянул в ее Библию и увидел, что многие места там подчеркнуты. Я тогда читал не очень хорошо, но, по-моему, это была Книга псалмов. Они приносили мисс Элле особенное утешение, и прежде всего псалом двадцать пятый.

Вот и сейчас мисс Элла молча шевелила губами и слегка, в такт чтению, кивала головой, а ее закрытые глаза окружали глубокие морщины. Вот такой я ее время от времени и вспоминаю — коленопреклоненную леди. А то, что я мог разглядеть лишь ее спину, совершенно ничего не значило. Я все равно видел под жесткими, как проволока, курчавыми, ею собственноручно подстриженными волосами два

маленьких, словно бусинки, глаза, которые замечали все происходящее и видели даже то, что никому не зримо. У нее были как бы две пары глаз: одна впереди — добрые и ласковые, а другие на затылке — они всегда ловили меня на каком-нибудь проступке. Иногда я даже представлял, что вот когда она заснет, я тихонько подкрадусь сзади и постараюсь найти эту вторую, скрытую ото всех, пару глаз. Меня останавливал только страх. Я боялся, что даже если и удастся подкрасться к ней, когда она спит, и снять с ее головы желтую резиновую шапочку, раздвинуть на затылке волосы и увидеть закрытые веки, то эти глаза-бусинки вдруг откроются и прожгут меня огнем насквозь, и я, создание из плоти и крови — живое, любопытное, облизывающее губы от нетерпения все узнать, — сразу превращусь в огненный столп и — пыхх! — только меня и видели!

Я легонько постучал битой в окно и прошептал: «Мисс Элла!» Вечер был холодный, изо рта вырвался пар, похожий на дым Рексовой сигары, я смотрел вверх и ждал, а холод расплзался по коже под комбинезоном. Пока я дрыгал ногами в воздухе, держась за подоконник, мисс Элла встала, накинула на плечи старую шаль, подошла к окну и подняла раму. Увидев меня, она протянула руку и втащила меня в комнату, все мои почти что тридцать килограммов: я знал свой вес точно, потому что на прошлой неделе они с Мозесом водили меня к врачу по случаю моей пятилетней годовщины, и, когда Мозес поставил меня на весы, она воскликнула: «Дитя, ты уже вешишь вполтину меня!»

Мисс Элла закрыла окно и, снова опустившись на колени, спросила:

— Такер, ты почему не в постели? Ты знаешь, сколько сейчас времени?

Но я только покачал головой. Тогда она сняла с меня ковбойскую шляпу, расстегнула ремень на комбинезоне и повесила их на столбик деревянной кровати.

— Ты что? Хочешь замерзнуть насмерть? Иди-ка сюда.

Мы сели в ее качалку перед очагом, в котором еще тлели угольки. Мисс Элла подбросила в очаг несколько поленьев и стала легонько раскачиваться взад-вперед, согревая мои озябшие руки в своих теплых ладонях. Слышались только поскрипывание кресла-качалки и стук моего сердца... Прошло несколько минут.

— Так что с тобой приключилось, дитя? Что с тобой? — спросила она, откинув волосы с моего лба.

— У меня живот болит!

Она кивнула и погладила меня по голове. От пальцев пахло ее обычным лосьоном.

— Тебя тошнит? Или тебе нужно в уборную?

Но я покачал головой.

— Ты не можешь заснуть? — Я кивнул. — Ты чего-то боишься?

Я снова кивнул и попытался рукавом вытереть слезу на щеке, а она обняла меня еще крепче и снова спросила:

— А может, расскажешь, что случилось?

Но я снова покачал головой, шмыгая носом.